

СТВОЛ
и
Туанты

18+

WATER ROAD

Вера Норд

Ствол и пуанты

Серия «Ствол и Пуанты», книга 1

<https://litres.ru/74391792>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Нью-Йорке есть правила, и есть те, кто их ломает.

Лорель Харпер - дочь мэра Нью-Йорка, идеальная девочка с безупречной репутацией, ее будущее расписанное по минутам. Но одна ночь в закрытом элитном клубе меняет все. Один танец. Один разговор. И вся её тщательно выстроенная жизнь начала трещать по швам...

Есть тот, кто наблюдает из тени, тот, кто ждёт, кто готов на всё. Три сердца. Два мира. Один выбор, который невозможно сделать без потерь. Запретная страсть. Опасная игра. Цена, которую придётся платить.

Для тех, кто любит возрастную разницу, сложные чувства, мафиозный романс и героиню, которая осмеливается выбирать. «Ствол и Пуанты» - история о девушке, которая впервые в жизни решила, что хочет не то, что нужно, а то, чего желает её сердце.

Содержание

Глава	4
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Вера Норд

Ствол и пуанты

Глава

Глава 1

Ночной Нью-Йорк никогда не засыпал, он лишь менял ритм. Днём город принадлежал биржам, такси и бесконечным потокам людей, а вечером и ночью Манхэттен становился другим: опасно красивым, почти кинематографичным. Небоскрёбы вспарывали тёмное небо холодным светом окон, неон отражался в мокром асфальте, растекался по улицам алыми, золотыми и электрически-синими пятнами. Где-то вдалеке выла сирена, смешиваясь с приглушённым гулом города - вечным, как шум океана. У входов в закрытые бары стояли мужчины в дорогих пальто, женщины на высоких каблуках смеялись слишком громко, будто пытались перекрычать собственную усталость. Из полуоткрытых дверей ресторанов тянуло ароматом виски, сигар и поздних разговоров о деньгах, власти и чужих судьбах.

В полумраке «Элизиума», закрытого клуба на крыше Манхэттена, куда простым смертным было весьма не просто

попасть, воздух дрожал от басов и запаха дорогого алкоголя. Золотые люстры отбрасывали мягкий свет на мраморные полы, а за панорамными окнами мерцал ночной Нью-Йорк, словно сам склонялся перед элитой.

Лорель Харпер стояла у барной стойки, хрупкая, как фарфоровая статуэтка. Восемнадцать лет, длинные светлые волосы собраны в идеальный балетный пучок, платье цвета слоновой кости обнимало тонкую фигуру так целомудренно, что казалось, даже ткань стесняется. Она была той самой «правильной девочкой», которой гордятся родители и ставят в пример сверстникам: дочь мэра, балерина школы Американского балетного театра, победительница олимпиад по дебатам. Её жизнь была расписана по минутам: занятия, репетиции, учёба, выступления. Лорель привыкла к дисциплине так же естественно, как другие привыкают дышать. Она редко опаздывала, никогда не нарушала правил и всегда знала, чего от неё ждут окружающие. Со стороны она казалась почти безупречной: вежливая улыбка, спокойный голос, безукоризненные манеры. Но за этой безупречной внешностью скрывалась девушка, которая иногда чувствовала себя пленницей собственных ожиданий. Слишком много требований, слишком много ответственности, слишком мало права на ошибку. Она давно научилась прятать усталость за улыбкой и отвечать «всё хорошо», даже когда внутри бушевали сомнения. В её светло-голубых глазах иногда мелькало что-то едва уловимое - тоска по свободе, желание хоть ненадолго

перестать быть идеальной.

Лорель чувствовала себя здесь чужой, она бы с большим удовольствием осталась дома с книгами и виниловой пластинкой Рахманинова, но друзья и парень уговорили ее «не быть скучной» и «оторваться» в одном из лучших и дорогих клубов Манхеттена. Она сжимала в руках бокал martinis и держалась чуть отстраненно от происходящего вокруг. Рядом с ней, словно живой щит, возвышался её парень - Эдгар Стоун. Высокий, широкоплечий, с телосложением спортсмена, закалённым годами тренировок, он был капитаном школьной команды по лакроссу и одной из самых заметных фигур в академии. Его тёмно-каштановые волосы были уложены с той нарочитой небрежностью, на которую обычно уходит больше времени, чем на идеальную причёску. Чёлость, будто выточенная из мрамора, прямой нос и ровная улыбка, стоившая его отцу-банкиру кругленькую сумму на ортодонтии. Они оба учились в Бизнес-школе Леонарда Н. Стерна при Нью-Йоркском университете. Лорель поступила в университет на год раньше благодаря ускоренной программе.

- Лори, ты опять смотришь в никуда, - проворчал Эдгар, обнимая её за талию собственническим жестом. - Это же не официальный прием в доме твоего отца и не репетиция «Лебединого озера». – Последнюю фразу он кинул с едва уловимой презрительной насмешкой.

Лорель слегка поморщилась, она не любила, когда он го-

ворил о балете в таком пренебрежительном тоне, но вслух она этого не высказала.

- Я просто думаю, как странно, что нас сюда пустили, - тихо ответила она, улыбаясь уголком губ. - Папа бы меня убил, если бы узнал.

- Твой папа-мэр сам здесь был бы, если бы не предвыборная кампания, - хмыкнул Дэвид Василевич, сын русского нефтяного магната, с лёгким акцентом, который он специально подчёркивал, чтобы казаться экзотичным. - А мы тут просто... поддерживаем репутацию элиты. Диана, налей мне ещё этого «кровавого» martini, пока я не начал философствовать про нефть и судьбу.

Дэвид Василевич - Лорель знала его с 6 лет, их матери были подругами. Дэвид учился в том же университете в старших курсах. Ему был 21 год, высокий, почти под метр девяносто, с широкими плечами и расслабленной, немного ленивой походкой человека, который никогда не сомневался в собственной привлекательности. Тёмно-русые волосы были слегка растрёпаны, будто он только что снял мотоциклетный шлем или провёл рукой по волосам после долгой ночи. Несколько прядей падали на лоб, смягчая резкие черты лица. Его внешность была типично славянской - холодно-красивой и слишком выразительной, чтобы остаться незамеченной. На лице играла вечная ухмылка. Дэвид был тем редким человеком в жизни Лорель с кем ей не надо было играть в «идеальную девочку», Василевич смотрел на жизнь проще и

искренне считал, что люди не просто имеют право, а должны совершать ошибки, ибо ничто не идеально в этом бренном мире.

Диана, лучшая подруга Лорель, огненно-рыжая, с языком острее ножа, закатила глаза и толкнула Дэвида локтем.

- Философствуй на русском, Василевич. По-английски у тебя выходит, как у медведя, который читал Ницше в переводе Google.

Диана была полной противоположностью Лорель; слишком шумная, быстрая, с характером, который невозможно было приручить. Казалось, в ней постоянно искрилась энергия - в походке, в резких движениях рук, когда она что-то эмоционально доказывала. Она умела отвечать мгновенно - метко, язвительно и так спокойно, будто давно привыкла побеждать в словесных перепалках.

В это время в другом конце зала, у VIP-ложи, царил совсем другой мир. Венсан Торрини стоял, прислонившись к колонне, высокий, загорелый, с лицом, будто вырезанным богами, которые потом пожалели и провели по левой брови неровный шрам - напоминание о том, что красота в их семье никогда не была безопасной. Двадцать три года, чёрный костюм сидел так идеально, словно был сшит на его греховных плечах. Венсан был единственным сыном Дона Витторио Торрини, главы итальянской мафии семьи Торрини. Они контролировали почти всё, что приносит настоящие деньги в Нью-Йорке: порты, строительные подряды, часть игор-

ного бизнеса, несколько легальных казино в Атлантик-Сити и огромную сеть «крыш» для бизнеса. Официально они - империя недвижимости и инвестиций. Неофициально... все кроме наркотиков. Запрет на эту дрянь для Дона Витто был святым. У их семьи было золотое правило, которое передавалось из поколения в поколение: «Мы не воюем с государством. Мы делаем так, чтобы государство работало на нас».

С пяти лет Венсана учили трём вещам: стрелять, вести переговоры и никогда не показывать слабость. В четырнадцать он уже сопровождал отца на встречи. В семнадцать - лично закрыл проблему с одним из ирландских кланов в Бруклине (проблема больше не дышит). Шрам над левой бровью - подарок на семнадцатилетие: нападение в Милане. Венсан выжил, двое нападавших - нет.

Роберто Броди, его лучший друг и будущий консилиери, однажды сказал ему после очередной ночи в клубе:

-Ты самый опасный человек из всех, кого я знаю, Вин, потому что выглядишь так, будто тебе вообще всё равно, а это пугает сильнее всего.

Венсан только усмехнулся, поправляя запонки:

- Я просто хорошо воспитан. Мать учила: «Если собираешься кого-то убить, делай это с улыбкой. Чтобы человек умирал счастливым, что его убивает Торрини».

Семья Торрини не просто пришла в Нью-Йорк, она его завоевала, как древние римляне когда-то завоёвывали варварские земли: с кровью, стилем и абсолютным презрением к

правилам. Всё началось в 1927 году в маленькой деревушке под Палермо, Сицилия. Джузеппе Торрини, тогда ещё просто Джо, шестнадцатилетний сын рыбака, зарезал местного капомафия после того, как тот «неуважительно» посмотрел на его младшую сестру. Один удар ножом - и вся деревня поняла: этот мальчишка либо умрёт молодым, либо станет легендой. Джо выбрал второе. Через три месяца он уже плыл в Америку с фальшивым паспортом, тремя золотыми кольцами, украденными у мертвеца, и холодной яростью в глазах. В Нью-Йорке 1930-х он начал с самого низа - угон машин, рэкет, мелкая контрабанда. Но Джузеппе никогда не был мелким. К 1945-му он уже контролировал порт Ньюарка. К 1958-му - половину профсоюзов строителей Манхэттена. А в 1971-м, после знаменитой «Ночи длинных ножей в Литтл-Итали», когда были уничтожены почти все конкуренты из старых пяти семей, Торрини стали не просто одной из семей. Они стали семьёй.

Вокруг Венсана вились две модели - одна блондинка с формами, которые нарушали законы физики, вторая брюнетка с губами, способными вызвать международный скандал.

- Винни, милый, ты сегодня особенно притягателен, - промурлыкала блондинка, проводя ногтем по его галстуку.

Венсан едва улыбнулся, скучающе глядя поверх её головы.

- Кристина, если ты будешь продолжать так тереться, я начну думать, что ты пытаешься меня задушить моим же гал-

стуком. И поверь, это не лучший способ убийства, я знаю методы поэффе́ктивнее.

Роберто Броди, его ближайший друг и напарник, коротко рассмеялся, потягивая виски.

- Оставь девочку, Вин. Она просто хочет, чтобы ты её заметил. Как и все здесь.

- Я заметил всех. - Венсан пожал плечами. - Просто пока никто не стоит того, чтобы оторваться от стакана.

Именно в этот момент его взгляд случайно скользнул через зал и наткнулся на неё. Лорель смеялась над какой-то шуткой Дианы - тихий, серебристый смех, который на секунду перекрыл даже музыку. Хрупкая, светлая, с глазами, в которых отражался весь этот фальшивый блеск, но сама она оставалась... настоящей. Как балерина в клетке из золота и грехов.

Венсан прищурился.

- Сколько ей, по-твоему? - спросил он у Роберто, не отводя глаз.

Тот проследил взгляд и присвистнул.

- Брат, это Лорель Харпер, дочь мэра. Если не ошибаюсь ей восемнадцать. Забудь. Даже для тебя это слишком горячо. В прямом смысле - можно сесть.

Венсан фыркнул, но взгляд не отвёл.

- Восемнадцать, малолетка. - Он сделал глоток, будто пытаясь смыть внезапный интерес. - Я не занимаюсь детским садом. У меня и так проблем хватает.

В этот момент Лорель тоже подняла глаза. Их взгляды встретились на долю секунды - всего на удар сердца. Она быстро отвернулась, но щёки предательски порозовели.

- Кто это был? - прошептала Диана, толкая её в бок. - Тот высокий итальянец с лицом «я убил человека и выглядел при этом сексуально»?

- Не знаю, - машинально ответила Лорель и быстро отвела взгляд в другую сторону, что-то внутри нее сжалось, отдавая приятным теплом в области груди и живота.

Эдгар заметил её взгляд и напрягся.

- Эй, Лори. Ты в порядке? Этот парень смотрит так, будто хочет тебя съесть.

- Он просто смотрит, - тихо ответила она, но сердце колотилось, как после сложной вариации на пуантах.

Венсан отвернулся первым, заставив себя рассмеяться над шуткой Роберто.

- Забавно, - пробормотал он себе под нос. - Маленькая принцесса в логове волков. Интересно, сколько она продержится, прежде чем захочет узнать, каков вкус настоящей жизни.

Роберто хлопнул его по плечу.

- Вин, ты улыбаешься. Это опасно. Обычно, когда ты так улыбаешься, у нас начинаются проблемы.

- Я просто подумал, - Венсан поставил стакан, - что этот вечер вдруг стал чуть менее скучным.

А Лорель, всё ещё чувствовала на себе его взгляд даже

сквозь толпу, она вдруг подумала, что правильные девочки иногда так сильно хотят быть неправильными, что это граничит с преступлением. Лорель тряхнула головой, будто пыталась отогнать неприличные ей суждения.

Глава 2

Лорель Харпер вернулась домой уже за полночь. Дом мэра Нью-Йорка, Ричарда Харпера, стоял на тихой, охраняемой улице Верхнего Ист-Сайда - трёхэтажный особняк из светлого известняка в неоклассическом стиле, с видом на Центральный парк. Снаружи он выглядел идеально: безупречные колонны, ухоженный сад, где даже розы цвели по расписанию, чёрные кованые ворота с камерами, которые фиксировали каждую тень. Внутри же дом был настоящим музеем контроля. Высокие потолки, тёмное дерево, мраморные полы, которые блестели так, что в них можно было увидеть своё отражение и сразу почувствовать вину за пылинку. Везде - фотографии. Десятки фотографий: Лорель с матерью на балетных выступлениях, Лорель с матерью в Париже, Лорель с матерью на пляже в Хэмптонсе. После смерти Элизабет Харпер (автокатастрофа пять лет назад) эти снимки стали священными реликвиями. Ричард не убрал ни одной, наоборот - добавил ещё. Теперь они висели везде, как тихие напоминания для его дочери: «Не забывай, что ты у меня осталась одна».

Кабинет мэра на втором этаже был сердцем дома. Тяжёлые дубовые двери, всегда закрытые. За ними - огромный стол из красного дерева, стена с мониторами и огромный портрет жены в полный рост над камином. Ричард часто си-

дел там допоздна, просматривая отчёты по работе и школьные оценки дочери.

Лори тихо зашла в просторную прихожую и тихонько поднялась по лестнице на второй этаж, она надеялась пройти в свою спальню незамеченной, но дверь в кабинете отца была наполовину открыта.

- Лорель Элизабет Харпер. - Голос был спокойный, но Лорель все равно слегка напряглась, она знала, когда отец называет ее полное имя, значит их ждет очередной нравоучительный разговор о том, что она является лицом фамилии Харпер и его драгоценной девочкой. А это означало нескончаемую и скучную череду правил поведения, которые уже начинали ее тяготить.

Она вздохнула, поправила балетный пучок и вошла в кабинет. Отец сидел в кресле у камина, в рубашке с закатанными рукавами, с бокалом бренди в руке. Ему было сорок восемь, но выглядел он моложе - седеющие виски только добавляли ему той самой «властной привлекательности», о которой писали в журналах. Он любил дочь так сильно, что это почти душило.

- Папа, я написала тебе в 23:47. Диана подтвердила, что мы были вместе. Всё безопасно.

Ричард медленно поставил бокал. Его взгляд был тёплым... и одновременно ледяным.

- Я знаю, где ты была. Я знаю, с кем ты была. И я знаю, что Эдгар Стоун провожал тебя до машины. - Он улыбнулся

уголком губ, но улыбка не коснулась глаз. - Ты моя девочка, Лори. Единственное, что у меня осталось от твоей матери. И я не позволю, чтобы этот город, полный змей, отравил тебя.

Лорель подошла ближе, села на край кожаного дивана напротив него. Она уже давно научилась не спорить сразу, это только удлиняло разговор.

- Папа, мне уже восемнадцать. Я не могуечно жить под стеклянным колпаком.

- Под стеклянным колпаком ты хотя бы в безопасности, - тихо ответил он и кивнул на фотографию на столе: Лорель и мама на пуантах, обе смеются. - После того, что случилось с ней... Я не выдержу, если потеряю и тебя, поэтому правила остаются. Никаких клубов без моего предварительного одобрения. И я хочу знать имена всех, с кем ты общаешься.

Он встал, подошёл и нежно убрал выбившуюся прядь волос с её лица. В этом жесте была вся его любовь - огромная, тяжёлая, почти болезненная.

- Я не тиран, солнышко. Я просто отец, который уже однажды видел, как мир забирает самое дорогое. И я не повторю эту ошибку.

Лорель кивнула, чувствуя привычный ком в горле. Она любила его, по-настоящему, но иногда этот дом казался ей золотой клеткой, где даже воздух был пропитан контролем.

- Можно я пойду спать? - тихо спросила она.

- Конечно, - он поцеловал её в макушку. - И, Лори... если вдруг вокруг тебя начнут виться люди не нашего круга, сразу

говори мне. Подобные люди - яд в чистом виде.

Она замерла на секунду, но быстро скрыла реакцию.

- Конечно, папа. Спокойной ночи.

Ричард внимательно смотрел на неё ещё несколько секунд, словно пытался прочесть мысли, которые она сама не до конца понимала. Затем его лицо смягчилось.

- Спокойной ночи, солнышко.

Она вышла из кабинета и осторожно прикрыла за собой дверь. Только оказавшись в коридоре, Лорель позволила себе глубоко выдохнуть. Каждый такой разговор оставлял после себя странное чувство. Будто отец обнимал её одной рукой, а другой запирал ещё один замок на дверях её клетки. Дом Харперов был красивым, безопасным, идеальным и абсолютно удушающим.

Она поднялась на третий этаж в свою спальню. Комната была огромной. Панорамные окна выходили на ночной Центральный парк, белые стены украшали фотографии с выступлений, полки были заставлены книгами и наградами. В углу стоял старый проигрыватель матери и несколько аккуратно сложенных виниловых пластинок. Лорель бросила телефон на кровать и подошла к окну. Нью-Йорк мерцал внизу миллионами огней. Обычно этот вид успокаивал её, но не сегодня. Перед глазами неожиданно всплыло лицо незнакомца из клуба: тёмные глаза, шрам над бровью, спокойный, изучающий взгляд человека, который видел слишком многое. Она раздражённо покачала головой.

- Господи, Лори, возьми себя в руки.

Какое ей вообще дело до какого-то мужчины из VIP-зоны? Наверняка очередной избалованный сын миллионера или хуже.

Она сняла серьги и положила их на туалетный столик. Уже лёжа в постели, Лорель несколько раз перевернулась с боку на бок. Она не понимала, почему вообще думает о нём. Даже имени не знает. Просто какой-то парень из клуба – высокий, тёмные глаза, шрам над бровью, всё.

И всё же почему-то именно его лицо упрямо всплывало в памяти каждый раз, когда она закрывала глаза.

- Это смешно, - пробормотала она в темноту.

Нью-Йорк был полон красивых парней и мужчин. Но ни один из них раньше не заставлял её чувствовать себя так, словно её спокойная, аккуратно выстроенная жизнь вдруг дала тонкую трещину.

Венсан вернулся домой около двух часов ночи. Особняк Торрини располагался на Верхнем Ист-Сайде, в нескольких кварталах от Центрального парка. Снаружи он выглядел как произведение искусства - итальянская архитектура начала прошлого века, светлый камень, массивные колонны, кованые балконы и высокие арочные окна. Любой решил бы, что здесь живёт семья старых европейских аристократов. На самом деле за этими стенами жила одна из самых влиятельных преступных семей Нью-Йорка. Высокие чугунные ворота открылись ещё до того, как его «Астон Мартин» подъе-

хал к дому. Во дворе, не бросаясь в глаза, как всегда, дежурили охранники. Торрини не любили показуху. Настоящая власть не нуждается в демонстрации. Венсан бросил ключи одному из охранников и поднялся по широким мраморным ступеням. Дом не спал, он никогда не спал. Даже в три часа ночи здесь могли обсуждаться контракты на десятки миллионов долларов или решаться вопросы, от которых зависело, увидит ли кто-то завтрашний рассвет. В огромном холле пахло сигарами, дорогим деревом и свежесваренным кофе. Старинные картины соседствовали с современным искусством. Итальянские люстры свисали с потолков высотой в два этажа. На стенах висели фотографии нескольких поколений Торрини. Некоторые из людей на этих снимках умерли в своих постелях, некоторые - нет.

В кабинете на первом этаже ещё горел свет. Венсан даже не удивился, толкнув дверь, он увидел отца. Дон Витторио Торрини сидел за массивным письменным столом из орехового дерева. Перед ним лежали какие-то документы. В свои шестьдесят два года он выглядел человеком, которого время решило не трогать без крайней необходимости. Седина появилась только на висках, тёмные глаза оставались такими же холодными и внимательными, как сорок лет назад. Человека, которого боялась половина Нью-Йорка, трудно было представить стариком.

- Ты поздно, - произнёс дон, не поднимая головы.

- Для человека моей профессии это называется рано.

Уголок губ Витторио дрогнул.

- Значит вечер прошёл спокойно.

- Никто не умер.

- Уже неплохо.

Венсан налил себе немного виски из графина.

- Ты ещё работаешь?

- А ты ещё задаёшь глупые вопросы?

- Иногда.

Витторио наконец поднял взгляд на сына. Несколько секунд он внимательно изучал его лицо.

- Что-то случилось?

- Нечего.

- Тогда почему ты выглядишь так, будто кого-то собираешься пристрелить?

- Потому что обычно я кого-то собираюсь пристрелить.

Отец тихо усмехнулся, только Витторио Торрини мог называть это хорошим настроением.

- Завтра в одиннадцать встреча с людьми из строительного фонда.

- Буду.

- И ещё.

Венсан остановился у двери.

- Да?

- Держись подальше от политики.

Теперь усмехнулся уже он.

- Ты говоришь это человеку, который родился в семье Торрини?

- Именно поэтому и говорю.

На мгновение между ними повисла тишина. Они редко говорили о чувствах, не потому что не любили друг друга. Просто мужчины семьи Торрини выражали привязанность иначе. Отец учил стрелять, прикрывал спину, передавал власть.

В их мире это значило больше любых слов.

- Спокойной ночи, папа.

- Спокойной ночи, сын.

Венсан поднялся на второй этаж. Его спальня больше напоминала дорогой пентхаус внутри особняка. Панорамные окна, тёмное дерево, книги, коллекция часов и оружия, небольшой бар у стены. Он снял пиджак и бросил его на кресло. За окном мерцал Нью-Йорк – огромный, голодный, принадлежащий ему ровно настолько же, насколько он принадлежал городу. Венсан налил себе ещё немного виски и подошёл к стеклу. Почему-то перед глазами снова возникло лицо дочери мэра. Он раздражённо выдохнул: «Чёрт возьми, восемнадцать лет, балерина, дочь политика. Ходячая проблема в дорогом платье». Он видел сотни красивых женщин: моделей, актрис, наследниц богатых семей... Любую из них он забыл бы через пять минут после знакомства, но почему-то именно эта девчонка застряла в голове занозой. Не потому, что была красивее остальных, нет. Красивых женщин в его жизни всегда было достаточно. Дело было в другом. Она

смотрела на окружающий мир так, словно ещё верила, что люди могут быть хорошими. Словно не понимала, насколько грязными бывают деньги, насколько легко ломаются принципы и насколько быстро кровь смывается с рук, если у тебя достаточно власти. Такие люди обычно долго не живут в его мире или очень быстро меняются. Венсан лег на кровать и усмехнулся собственным мыслям.

- Забудь, - произнёс он вслух, словно отдавал приказ самому себе.

Дочь мэра Нью-Йорка была именно тем человеком, которого Венсан Торрини должен был обходить стороной. Опыт подсказывал ему простую вещь: когда жизнь начинает подбрасывать настолько красивую проблему, лучше сразу уходить в другую сторону. Пока ещё есть такая возможность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.